

А
Л
Е
К
С
А
Н
Д
Р

А
Н
Д
Р
Е
Е
В

АНТЕННА

Александр Андреев

Нутелла

«Эдитус»

2017

Андреев А. Ю.

Нутелла / А. Ю. Андреев — «Эдитус», 2017

ISBN 978-5-00058-496-5

В 2014 году в издательстве «Эдитус» вышла драма А. Андреева «Семь пятниц фарисея Савла», посвященная главному событию в жизни апостола Павла. И, хотя действие «Нутеллы» разворачивается в наше время и сюжетно не связано с предшествующей пьесой автора, эти два произведения объединены общим персонажем. Одно и то же лицо действует и в евангельском времени и в нынешнем, воскрешая древнюю легенду о том, что любимый ученик Христа – Иоанн, сын Зеведеев, не умер, но по слову Иисуса живет на земле в ожидании пришествия своего Учителя. В предлагаемой читателю новой пьесе Иоанн Зеведеев, он же Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса, появляется в – психиатрической клинике, что не удивительно в современном мире, в котором безумия вряд ли меньше, чем за стенами сумасшедшего дома.

ISBN 978-5-00058-496-5

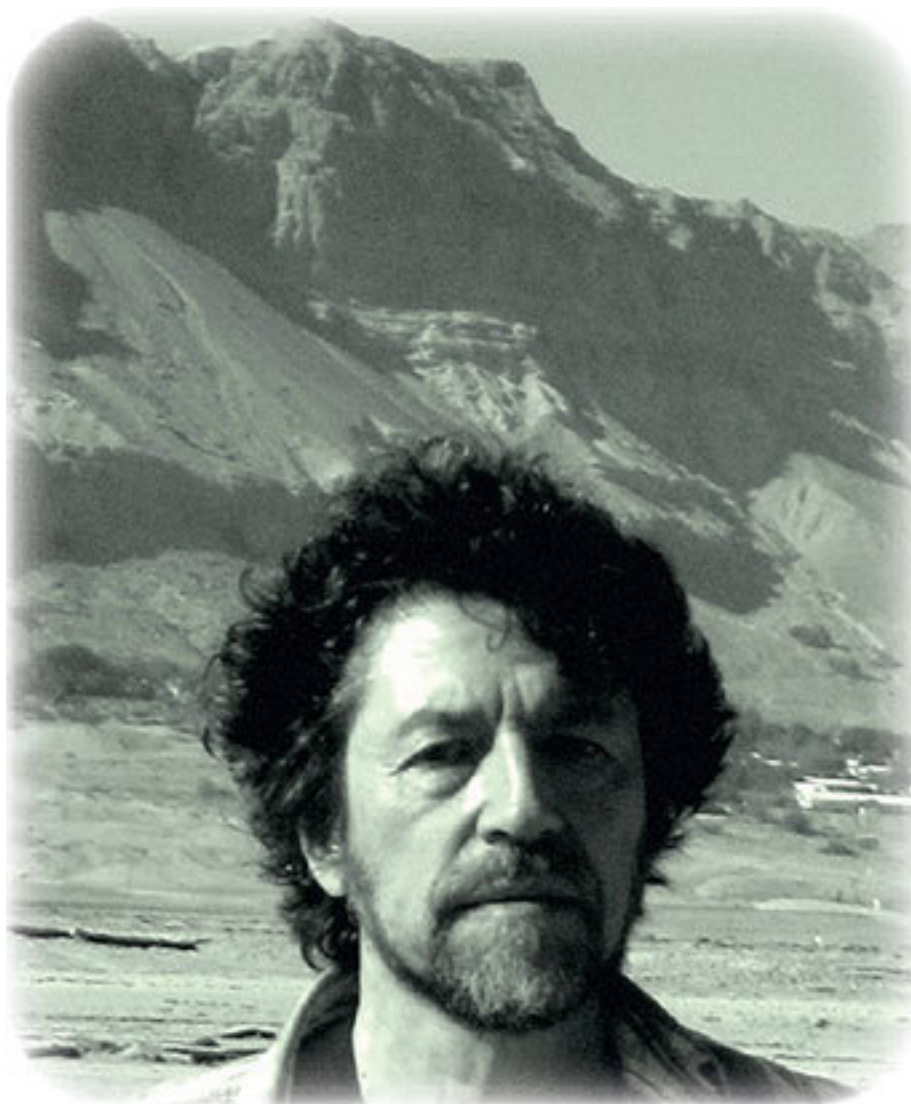
© Андреев А. Ю., 2017

© Эдитус, 2017

Содержание

Действующие лица	6
Первое действие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Андреев Нутелла

Автор этой мистической комедии – музыкант, отдающий литературному труду часы, свободные от работы театрального пианиста. В 2014 году в издательстве «Эдитус» вышла его драма «Семь пятниц фарисея Савла», посвященная главному событию в жизни апостола Павла. И, хотя действие «Нутеллы» разворачивается в наше время и сюжетно не связано с предшествующей пьесой А. Андреева, эти два произведения объединены общим персонажем. Одно и то же лицо действует и в евангельском времени и в нынешнем, воскрешая древнюю легенду о том, что любимый ученик Христа – Иоанн, сын Зеведеев, не умер, но по слову Иисуса живет на земле в ожидании пришествия своего Учителя. В предлагаемой читателю новой пьесе Иоанн Зеведеев, он же Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса, появляется в психиатрической клинике, что не удивительно в современном мире, в котором безумия вряд ли меньше, чем за стенами сумасшедшего дома.

Посвящается Елене

Действующие лица

Живущие теперь:

ПАЦИЕНТ

МЕДСЕСТРА

АЛЯБЬЕВ, музыкант

НИКА, дама в алмазном ожерелье

ТОЛЯН, старший охранник Ники

КОЛЯН, водитель и охранник Ники

Жившие прежде:

ПАЛОМНИК

ЖАН

КОЛЕТТА

Тени:

НУТЕЛЛА, девочка-дух покойной кошки Алябьева

АНРИ, дух короля с пауком на поводке

СЕРГЕЙ, дух любовника Ники

Голоса:

ГОЛОС богини-кошки **БАСТЕТ**

ГОЛОС ПАУКА

1-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ

2-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ

ГОЛОС АВИАДИСПЕТЧЕРА

Первое действие

Частная психиатрическая клиника в старинном особняке. Холл с камином, большим шкафом, статуей женщины с головой кошки, компьютерным столом старшей медсестры и креслами. Две двери: одна – с изображением двух скарабеев, золотого и серебряного, осененных египетским крестом-анкхом – заперта; другая – в палату Алябьева – приоткрыта, из нее слышна флейта. Входит Пациент, слушает флейту. Входит Медсестра, захлопывает дверь Алябьева; музыка обрывается.

МЕДСЕСТРА. И дудит, и дудит в свою окаянную дудку! Кто бы такое позволил в порядочной клинике! А в частной – платите в кассу и делайте все, что взбредет. Какая уж тут, к лешему, психиатрия! *(Пациенту)* Так. Вы – новый больной. Фамилию напомните.

ПАЦИЕНТ. Иоанн, сын Зеведеев.

МЕДСЕСТРА. Больной Зеведеев, я думаю, вы – симулянт. Но доктору, конечно, виднее.

ПАЦИЕНТ. Я заплатил за месяц, вот – чек.

МЕДСЕСТРА. Это – плохая гостиница. Палату в психиатрической лечебнице еще никто сам себе не снимал, на моей памяти: обычно это делают родственники.

ПАЦИЕНТ. Я уже говорил доктору, что потерял всех родственников много веков назад.

МЕДСЕСТРА. Для сироты с таким стажем вы молодежавы. Идемте, покажу вашу палату.

Оба уходят. Из своей палаты выходит Алябьев в халате, ставит на камин блюдце, наливает в него молоко.

АЛЯБЬЕВ. Нутелла!.. Нутелла!.. Кис-кис-кис!.. Нутелла, я знаю, ты здесь, ты пришла ко мне, моя девочка, а я тебе – молочка... Кис-кис!.. погоди, я сейчас тебе сыграю. Только здесь мне нельзя, я тебе из комнаты сыграю... *(Возвращается в палату, не закрыв дверь.)*

Вновь звучит флейта. Входит Медсестра, захлопывает дверь, садится за компьютер; музыка обрывается. Открывается дверь палаты, за ней – Алябьев с флейтой.

МЕДСЕСТРА. Подойдите, больной Алябьев. Вам не психиатрия нужна, а электродрель. У вас в голове – два отверстия, в виде ушей, но хочется насверлить еще дырок, чтобы в вашу голову, наконец, проникла моя мысль.

АЛЯБЬЕВ. Да, наверное... нужно просверлить. Какая у вас мысль?

МЕДСЕСТРА. Все та же: захлопните вашу дверь, когда вам охота подудеть!

АЛЯБЬЕВ. Вас не было, а моя кошка... Вы же знаете, я играю только для моей кошки...

МЕДСЕСТРА. У вас нет никакой кошки, если не считать чучела на вашем подоконнике. Вы – в клинике. Кошек здесь не может быть. Даже за деньги. Перестаньте озираться!

АЛЯБЬЕВ. Я знаю, что теперь я – в клинике. Я даже очень хорошо знаю, в какой я клинике. Но моя покойная кошка ко мне приходит: теперь вот сюда стала приходиться. Она любит слушать флейту и прячется где-то в этой гостиной. Мне же нельзя здесь играть?

МЕДСЕСТРА. Это – не гостиная. Это – комната отдыха тихих психов, таких, как вы. И еще это – мой кабинет, я здесь работаю, а вы дудите! Старшая медсестра – тоже человек.

АЛЯБЬЕВ. Да... наверное...

МЕДСЕСТРА. Что – наверное?..

АЛЯБЬЕВ. Вы – тоже... человек. Я никак не запомню, простите: я мог держать в голове десяток концертных программ, а теперь вот не выучу, как вас зовут.

МЕДСЕСТРА. Расслабьте голову. Меня зовут «старшая медсестра».

АЛЯБЬЕВ. А можно просто «сестра»?.. Нет?.. Ну, хотя бы «старшая сестра»?

МЕДСЕСТРА. Я вам гожусь в старшие дочери. А как меня зовут, можно прочитать на моей груди. И не надо заглядывать ко мне под стол: там нет кошек.

АЛЯБЬЕВ. (*Заглядывая под ее стол*) У вас – длинные икры.

МЕДСЕСТРА. Что?!

АЛЯБЬЕВ. Длинные икры, это – красиво. Наверное, у вас красивое тело. Вы нарочно одеваетесь так, чтобы этого никто не заметил?

МЕДСЕСТРА. Вы – в своем уме?!

АЛЯБЬЕВ. Вы же знаете, что нет. Но моя кошка – здесь, я чувствую: ей очень нравится эта статуя... Это же – Бастет (*Гладит статую*). Прекрасная Бастет, богиня кошек!

МЕДСЕСТРА. К психиатрии это отношения не имеет. Идите, дайте поработать.

АЛЯБЬЕВ. Над чем вы станете работать, если я уйду? Я же и есть – ваша работа.

МЕДСЕСТРА. Вы – не один сумасшедший в этом доме.

АЛЯБЬЕВ. На этом этаже я – опять один. А вниз, к буйным, меня не пускают.

МЕДСЕСТРА. Скоро пустят. И обратно не выпустят.

АЛЯБЬЕВ. А где же мой сосед – тот, школьный директор? Он все подмаргивал и бил себя по коленке... И какую-то фамилию бормотал, голубиную – Голубкин... Голубков...

МЕДСЕСТРА. Расслабьте голову.

АЛЯБЬЕВ. Да-да, он все твердил: «Голубков, прекратите! Голубков, прекратите», и – кулаком по коленке... Да, он был директор школы... Куда он пропал?

МЕДСЕСТРА. Он выбил себе коленную чашечку, и я перевела его в нижний этаж.

АЛЯБЬЕВ. Это что, его – в буйное отделение?!

МЕДСЕСТРА. Пока – в лазарет, а там решу.

АЛЯБЬЕВ. А разве решает не доктор?

МЕДСЕСТРА. Доктор другие вопросы решает. Доктор поднимает престиж клиники.

АЛЯБЬЕВ. Чем?

МЕДСЕСТРА. Ему есть чем. Это он умеет. Вот только в психиатрии смыслит, как я – в вашей дудке. А у меня за плечами – и диссертация и опыт, поэтому и доктор здесь – я.

АЛЯБЬЕВ. А почему же вы тогда – старшая медсестра?

МЕДСЕСТРА. А это вам знать не обязательно. Вы когда-нибудь уйдете к себе?

АЛЯБЬЕВ. Да, наверное... (*Читает у нее на груди*.) Ва-си-лиса Арис-тарховна. О-ой...

МЕДСЕСТРА. Я вас слушаю, больной Алябьев.

АЛЯБЬЕВ. Скажите, а... Голубков – это кто?

МЕДСЕСТРА. Восьмиклассник, которого ваш бывший сосед долбанул головой об стену.

АЛЯБЬЕВ. Зачем?

МЕДСЕСТРА. Голубков хотел продемонстрировать травматический пистолет. Он принес в школу котенка, чтобы пострелять по нему резиновыми пулями. Когда котенок уже перестал дергаться, прибежал директор, взял Голубкова за шиворот и – об стену: сотрясение мозга. Директора – под суд: лишение прав на работу с детьми. И – к нам.

АЛЯБЬЕВ. Сколько раз?

МЕДСЕСТРА. Что – сколько раз?

АЛЯБЬЕВ. Сколько раз он... стукнул Голубкова об стену?

МЕДСЕСТРА. Один раз, конечно... Что это с вами? Вам плохо?

АЛЯБЬЕВ. Я бы бил долго.

МЕДСЕСТРА. Это – неправомерно. (*Включает принтер и отпирает шкаф, уставленный папками*). Я подозревала, что ваше место – на нижнем этаже, в фиксирующих ремнях.

АЛЯБЬЕВ. Наверное, в вашей диссертации написано, что тихих психов нужно поскорей делать буйными, чтобы зафиксировать их ремнями... А вы – только что от доктора?

МЕДСЕСТРА. С чего вы взяли, что я – от доктора?

АЛЯБЬЕВ. Прическа смялась. Думаю, на его черном диване из мягкой кожи ваш халат кажется большой и беспомощной белой бабочкой, слетевшей на свежую пашню.

МЕДСЕСТРА. *(Взяв папку из шкафа, запирает его и возвращается).* Вы у меня договоритесь, больной Алябьев. До того договоритесь, что уж язык я вам зафиксирую. А дудку зафиксирую где-нибудь еще. Тем более, что на тихом этаже у нас – новенький, и ему покой нужен до зарезу. *(Надписывает папку и кладет в нее отпечатанные листы).*

АЛЯБЬЕВ. Кто он? *(Пытаясь заглянуть в бумаги)* Это – история его болезни?

МЕДСЕСТРА. Вас это не касается.

АЛЯБЬЕВ. Но что с ним? Хоть намекните, и я уйду к себе, честное слово!

МЕДСЕСТРА. Если он – не симулянт, то случай серьезный: живет уже две тысячи лет; ученик Иисуса Христа. Тихий, но такие больные нестабильны. Лучше с ним не говорить.

АЛЯБЬЕВ. Спасибо! Вы – добрая! *(Уходит к себе, затворяя за собой дверь).*

МЕДСЕСТРА. Доброта вам не показана. *(Идет с папкой к шкафу и ударяется головой о статую).* Чтoб ты треснула!.. *(Замахивается на статую и застывает в трансе).*

Гром. Сцена темнеет. Вспыхивают Глаза Кошки. Двери шкафа распахиваются; за ними, вместо полок – луна и гигантская кошачья тень.

ГОЛОС БАСТЕТ. Мяу! Остерегись, женщина! Не оскорбляй богиню Бастет! В древней земле фараонов убийство кошки каралось смертью: так боялись они моего гнева! Им было страшно лишиться моих даров – любви и радости. Фигурки прекрасной Бастет стояли во дворцах и лачугах. Египтяне знали, что кошачьи глаза видят духов и отпугивают их! Но даже из древних мало кто догадывался, что эти глаза видят душу и в живом теле. Кошка часто равнодушна к человеку – оттого, что ничего не видит там, где должна быть душа. Богиню Бастет забыли, а я жива и по-прежнему одаряю всех, кто не очерствел сердцем, как эта женщина. Любовь и радость – мои простые дары, но в эту лунную ночь – мой волшебный дар тем, кто хочет понять происходящее здесь: всем вам я дарю *глаза кошки!*

Вспыхивают Глаза Кошки.

Незримые духи – всегда рядом с вами. Но сейчас вы их увидите – кошачьим зрением. И вы услышите их голоса – как сейчас слышите мой голос.

Около статуи Бастет становится видна Нутелла.

НУТЕЛЛА. *(Жалобно)* Мяу... мяу... мяу...

ГОЛОС БАСТЕТ. Теперь вы ее видите: это – она, Нутелла, любимая кошка Алябьева. Она умерла три месяца назад – по одной лишь прихоти моей сестры Нут, богини неба. Дело в том, что моя сестра, великая богиня Нут, слышала свое имя в кличке «Нутелла» и обратила свой небесный взор на эту кошечку. Хорошенькая, с шоколадным оттенком шерсти, она так очаровала мою сестру, что Нут забрала Нутеллу к себе, в свою свиту. Быть придворной дамой самой царицы неба – высокая честь, а Нутелла не рада. Она скучает по хозяину, и вы видите ее дух, привлеченный его музыкой. Мяу!

Гром. Шкаф захлопывается. Сцена светлеет. Нутелла пытается пить из блюдца на камине.

МЕДСЕСТРА. *(Выйдя из оцепенения и не видя Нутеллу)* Что это меня так переключило? От ушиба, что ли? Какое-то помрачение... *(Отпирает шкаф, ставит туда новую папку и*

опять запирает). О чем я думала?.. Ах, да: этот новый больной... Что-то он мне совсем не нравится. Надо бы подстраховаться. *(Набирает номер на мобильном телефоне)*.

НУТЕЛЛА. Как бы обрадовался хозяин, если бы я отпила глоточек! Не получается. Мяу!

МЕДСЕСТРА. *(Говорит по телефону.)* Говорит Василиса Аристарховна. Хочу сообщить о поступившем больном. Фамилия – Зеведеев. Доставлен прихожанами соседней церкви: проповедовал в качестве ученика Иисуса Христа. Возможно – симулянт. Мы пытались направить его в обычную клинику, но он сам оплатил свое пребывание у нас.

1-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ. Мы вам признательны за ваши сведения, Василиса Аристарховна. Объект нам известен. Продолжайте наблюдение. *(Гудки)*.

Из камина возникает Анри с пауком на поводке. Испуганная Нутелла забирается под стол.

МЕДСЕСТРА. *(Никого не видя и не слыша)* Мда-а... Интуиция, однако ж, меня не подводит. Милый мой доктор, что бы стало с твоей расчудесной клиникой, если б не я?

АНРИ. *(Пауку)* Не пугай кошечку, Франсуа, она – новенькая в нашем с тобой прекрасном мире. *(Нутелле)* Не бойся нас, киска, мы – тоже покойники, только умерли очень давно. А ты, бедняжка – новопреставленная, не освоилась еще? Что-то ты, кисуля, больно похожа на человеческий дух. Да-а... вижу, не бывать тебе больше кошкой, кончилось твое счастье: в следующий раз родишься с двумя ногами и двумя руками. И будешь маяться лет шестьдесят: ни по крышам побегать, ни по чердакам пошнырять – недосуг будет.

МЕДСЕСТРА. *(Устало садясь)* Да, кто-то должен за других думать и за других *делать!*

АНРИ. И будешь ты, кисанька, всю жизнь *делать дела* – одно важней другого. И зачем они, понять тебе будет некогда, а конца им не будет. И помрешь, дел своих не сделал.

ГОЛОС ПАУКА. Я свое дело сделал, Анри!

АНРИ. *(Пауку)* Ты – да! Ты – счастливец, Франсуа. Одна беда: то, что ты сделал, придало твоему духу форму паука. И если ты, не дай бог, опять родишься, то уже – пауком.

НУТЕЛЛА. *(Робко)* Я – Нутелла. А кто – вы?

АНРИ. Король Анри, к твоим услугам. Ты не поверишь, киска: я был *хорошим* королем. Я сделал мою страну богатой и сильной и накормил моих подданных. Я хотел стать еще лучше, но не успел. А Франсуа хотел только одного – убить меня. И у него получилось: он прожил жизнь не зря. Он был так счастлив, когда меня зарезал, что даже не пытался убежать, а мои славные подданные огорчились настолько, что растерзали его на месте. Мы умерли в один день и с тех пор не расстаемся. Да, Франсуа?

ГОЛОС ПАУКА. *(Кричит.)* Отпусти меня, Анри! Я хочу родиться!!

МЕДСЕСТРА. *(Впадая в дремоту)* Как же хорошо, когда тихо!

АНРИ. Нет, Франсуа. Я должен о тебе заботиться. Я не хочу для тебя такой участи.

НУТЕЛЛА. Отпусти его, не мучай! Пожалуйста!

АНРИ. И каково ему будет? Он же родится пауком! Ты хочешь жить пауком, Франсуа?

ГОЛОС ПАУКА. *(Вопит).* Да! Я буду любить!! Я люблю эту кош-ш-шку!!!

Перепуганная Нутелла бросается к камину и исчезает в нем.

АНРИ. Ты плохо себя ведешь, Франсуа. Это может повредить моей миссии. Не все на земле так глухи и слепы, как она *(показывая на спящую Медсестру)*. Встречаются даже ясно-видящие. Этот господин *(показывая на дверь Алябьева)* не должен знать обо мне. Пожалуйста, не вынуждай меня наказывать тебя. Нельзя так орать. Во сне даже такие особы, как эта, могут

что-то услышать и увидеть. (*Сажая паука на Медсестру*) Проверим. Давай, Франсуа, поори что-нибудь, только не до смерти.

ГОЛОС ПАУКА. Отпусти меня! Я хочу родиться!! Я люблю эту женщину!!!

МЕДСЕСТРА. (*Страхивая с себя паука и в ужасе просыпаясь*) А-а-а!!.. О, господи, кошмар какой! Приснится же такое!.. (*Не видя никого*) Надо пойти прилечь... (*Уходит*).

АНРИ. Ты сегодня такой пылкий, Франсуа! Сюда идут: прости, я прикрою твои паучьи глазки, а то еще кого-нибудь полюбишь не вовремя. (*Закрывает пауку глаза рукой*).

Входит Пациент, замечая чье-то присутствие. Из своей палаты выходит Алябьев, видя только Пациента.

ПАЦИЕНТ. (*Алябьеву*) Я слышал крик.

АЛЯБЬЕВ. Я – тоже. Наверное, это – снизу, кто-то из буйных. А вы – новый больной?

ПАЦИЕНТ. Да. Но я не болен.

АЛЯБЬЕВ. Понятно. Я – тоже... Наверное, я тоже... не болен. (*Осматривая блюдечко на камине, со вздохом*) Даже не притронулась! Хоть бы капельку пригубила, я бы знал...

ПАЦИЕНТ. (*Алябьеву*) Мое имя – Иоанн, сын Зеведея.

АЛЯБЬЕВ. Я тоже – Иван... Арсеньевич. Если хотите – Иоанн, сын Арсения.

ПАЦИЕНТ. Мне нужно поговорить с вами, но мы не одни.

Алябьев с недоумением оглядывается. Анри с пауком исчезают в камине.

Ну вот, теперь можно, они ушли.

АЛЯБЬЕВ. Кто?!

ПАЦИЕНТ. Духи. Я их вижу, а они обычно этого не любят.

АЛЯБЬЕВ. (*Растерянно*) Понятно... В общем, мы с вами здоровы, это ясно...

ПАЦИЕНТ. Этот дом – мой старый знакомый. Он не меняется, хотя уже давно нет тех, кого я здесь знал. Вчера я шел этой улицей. В окне второго этажа сидела кошка, слишком неподвижная. Из форточки долетал голос флейты, ожививший во мне одно воспоминание. Я захотел увидеть флейтиста, то есть вас, и ради того представился душевнобольным. Мне это легко: если я хочу попасть в такое место, я просто становлюсь тем, кто я есть.

АЛЯБЬЕВ. А!.. Ну да, мне сказали: вы – ученик Христа, и живете уже две тысячи лет.

ПАЦИЕНТ. Вы можете не верить. Но скажите: та мелодия, что вы играли – откуда она?

АЛЯБЬЕВ. (*Заволновавшись*) Но почему?.. Почему вы спрашиваете?.. А?!

ПАЦИЕНТ. Я вас встревожил? Эта мелодия пришла к вам необычно?

АЛЯБЬЕВ. Она мне приснилась... но... неужели *вам* она знакома?!

ПАЦИЕНТ. Я слышал ее очень давно. Если хотите, расскажу, но сначала – вы.

АЛЯБЬЕВ. Да что рассказывать... Я услышал эту музыку во сне, вскоре после смерти Нутеллы, моей кошки. «Нутелла»... знаете, есть такое лакомство из какао и орехов. Я назвал так котенка за чудесный, шоколадный окрас шерсти. Нутелла была очень красивой кошкой. Я заказал из нее чучелко... Она прожила совсем недолго: никто мне так и не объяснил, от чего она умерла. А потом она мне приснилась вместе с этой музыкой. Она разговаривала со мной во сне, как человек, и просила, чтоб я играл эту мелодию. Сон повторялся, еще и еще. В нем было яркое солнце, незнакомые синие горы и незнакомое чувство свободы. И был утренний туман, и было что-то еще... что-то еще...

ПАЦИЕНТ. Не можете вспомнить, или было неясно?

АЛЯБЬЕВ. Это было что-то, скрытое утренним туманом... Я просыпался с тоскливым подозрением, что вся моя жизнь – ошибка, и я, по обидной случайности, прожил не свою жизнь, а чью-то чужую. Я хотел только одного – видеть мой сон, в котором была моя настоя-

щая, неслучайная, полная солнца жизнь... Я – успешный музыкант, у меня было признание, концерты, гастролы – все, чего можно желать в моей профессии. Я все это выбросил из головы, разорвал все контракты, ушел от жены, вышвырнул телефоны и заперся в моей старой квартире. Там я мог целыми днями играть эту музыку для Нутеллы и спать, спать и видеть мой сон... Длилось это недолго: мой племянник добился надо мной опеки. Суд обязал его содержать меня хорошо, и ради этого мою квартиру продали. Но я доволен: живу один, в дорогом сумасшедшем доме, где можно играть на флейте...

ПАЦИЕНТ. А сон?

АЛЯБЬЕВ. Что – сон?

ПАЦИЕНТ. Вы по-прежнему видите синие горы?

АЛЯБЬЕВ. Синие горы?.. Не знаю... Мне что-то подмешивают в еду: я теперь не помню снов. У меня осталась только эта мелодия. Что вы про нее знаете?

ПАЦИЕНТ. Вы сочтете это бредом больного. Но, если хотите, слушайте.

АЛЯБЬЕВ. Как отличить бред от не-брета? Моя жизнь – это мой бред. Расскажите свой.

ПАЦИЕНТ. У этой мелодии есть имя: «Ожерелье Колетты». Полтысячелетия назад я знал ее автора. Его звали Жан-Флейтист, и вы на него очень похожи. Он был королем – правда, неудачливым: потерял половину своего королевства и даже был отлучен от церкви. Но его это не слишком печалило: он любил только свою флейту и одну даму, чужую жену.

АЛЯБЬЕВ. Где-то я про такое читал... Или мне кажется?..

ПАЦИЕНТ. Флейта была тогда обычной забавой аристократов. Но никто не играл на ней так, как король Жан. Он не записывал то, что сочинял. Из его флейты, будто эльфы, сами собой вылетали мелодии. Для одной из них он сочинил стихи, и она стала песней о даме в алмазном ожерелье – о той, которую он любил и потерял навеки. Песенка давно забыта, но вчера я услышал эту музыку из вашего окна с кошачьим чучелком на подоконнике.

АЛЯБЬЕВ. И поэтому вы устроились сюда сумасшедшим?

ПАЦИЕНТ. Да, я именно устроился. Вы верите, что я здоров?

АЛЯБЬЕВ. Если вы здоровы, мне придется думать, что вы – редкий шутник. А я не хочу.

ПАЦИЕНТ. *(Оглядываясь на камин)* К вам пришли, и я мешаю.

АЛЯБЬЕВ. *(Недоуменно оглядываясь)* Кому вы мешаете?

ПАЦИЕНТ. Духу, который пришел к вам, но боится меня. У него странная форма: вроде бы – человек, но, похоже, еще недавно был животным. Скорей всего – кошкой.

АЛЯБЬЕВ. Нутелла?! Вы ее видите?! *(Спыхватываясь)* Нет, вы... смеетесь надо мной?..

Пациент уходит. Из камина возникает Нутелла, невидимая для Алябьева.

Я его обидел. Он болен, нужно было ему подыграть... А что, если он, правда, ее видит? Вот опять – это тепло на левом колене, где она любила сидеть! Нутелла! Кис-кис-кис! Может быть, в том мире ты разучилась прыгать? *(Переставляет блюдце с камин на пол)*. Выпей хоть каплю, и я пойму, что ты – здесь. Выпей, пожалуйста!

НУТЕЛЛА. Чем мне пить? Я – тень, и мои губы – только тени губ. Ты меня не видишь и не слышишь... Я уже не знаю, кошка ли я. Мне кажется, что я – твоя дочка.

Вбегает Медсестра, не видя Нутеллу.

МЕДСЕСТРА. Что за окаянство вы здесь устроили, Алябьев, с вашим молоком?! *Семь минут* уже, как отбой! Убрать, и чтоб я вас до утра не видела!.. Нет мне покоя!

Алябьев уходит к себе, незаметно вернув блюдце на камин и заперев за собой дверь. Медсестра садится в кресло и постепенно засыпает. Вспыхивают Глаза Кошки.

НУТЕЛЛА. (*Становясь на колени перед статуей Бастет*) Бастет! Великая Бастет, богиня кошек! Молю тебя, помоги моему хозяину! Не знаю, чем и как, но ты мудра, добра и могущественна. Он – такой одинокий и грустный! Он все играет и играет мне на своей флейте. Но что я могу для него сделать? Я даже не могу отпить молока из моего старого блюдечка. А он – все печальнее, день ото дня. Сейчас он сидит в темноте у окна перед моим чучелком. Бастет! Верни меня в мое чучелко, чтобы я опять была его кошкой!

Гром. Сцена темнеет. Двери шкафа распахиваются; за ними – луна и тень гигантской кошки.

ГОЛОС БАСТЕТ. Не получится, девочка. Конечно, хорошо, что у тебя есть мумия, так спокойнее, но твой дух в ней уже не поместится. Он изменился: ты родишься человеком.

НУТЕЛЛА. Зачем? Я была плохой кошкой? Разве ты – не кошка, дивная Бастет?

ГОЛОС БАСТЕТ. Нутелла, из всех кошек только я могу быть богиней, потому что я – лунный свет, принявший форму кошки. Но в человеческой форме божественный светается всегда: в каждом из людей спрятан бог. Только они редко этим пользуются.

НУТЕЛЛА. Но я и не хочу быть богиней! Я хочу, чтобы он не страдал. Мне его жалко!

ГОЛОС БАСТЕТ. Это и делает тебя человеком. Ты сама решила свою участь. А помочь твоему хозяину я попробую. Только мне придется на время принять человеческий вид. Моему духу потребуется тело.

Почему бы не попользоваться тем, что спит в том кресле?

НУТЕЛЛА. (*Показывая на Медсестру*) Вот этим?

Но что будет с душой этой женщины?

ГОЛОС БАСТЕТ. Ее душа пока поспит и ничего не заметит. Что ж, я, богиня Бастет, женщина-кошка, вхожу в мир людей! Мяу! Мяу! Мяу!

Троекратный гром. Кошачья тень исчезает; луна разгорается ярче. Медсестра пробуждается.

МЕДСЕСТРА. Вот и все, Нутелла! Не бойся, это – я, Бастет. Хорошо, что темно: я в таком убогом виде! Что это за уродство на мне? Разве медицинский халат нельзя выкроить поизящнее? Я чувствую себя одетой в папку-скоросшиватель. А обувь – о, нет! Идем, ты поможешь мне привести себя в порядок.

НУТЕЛЛА. Чем я помогу тебе, Бастет? У меня же нет тела!

МЕДСЕСТРА. И ты думаешь, что вещи тебе неподвластны? Это – от неопытности. Ты же – дух, да еще такой большой! Ты можешь управлять маленькими духами вещей – например, духами иголки и нитки. Попробуй: попей для начала из твоего блюдечка. Посмотри на молоко внимательно и увидишь маленьких молочных духов. Вдохни их!

НУТЕЛЛА. (*Отпивая молоко*) У меня получилось! Я отпила глоток! О, как же он обрадуется, когда проснется и увидит! Спасибо тебе, великая Бастет!

МЕДСЕСТРА. Скажи-ка мне, Нутелла: ты умеешь приходить в сны твоего хозяина?

НУТЕЛЛА. Я умела! Когда я умерла, я увидела память моего хозяина и поняла, что я – в ней. Я бегала по коридорам его памяти, пока не увидела запертую дверь. Эта дверь заперта от него самого, но я проникла в нее без труда. За ней спрятано то, что было не с ним, а с кем-то, похожим на него. Я открывала ему во сне эту дверь, и ему это нравилось.

МЕДСЕСТРА. А теперь?

НУТЕЛЛА. Наяву он меня еще помнит, а во сне забывает. Его сны от меня закрылись.

МЕДСЕСТРА. Это все – гадкие лекарства. Придется заглянуть в его сон через лунный свет. (*Смотрит в шкаф*). Твоему хозяину снятся синие горы. Утренний туман поднимается из долины. Он что-то хочет разглядеть в тумане, но не может. Ему нужна помощь. Вот что: с моим нарядом я справлюсь сама, а ты постарайся присниться ему.

НУТЕЛЛА. Как я это сделаю, если он не вспоминает обо мне, когда спит?

МЕДСЕСТРА. Тебе нужен ключ к его снам. Расскажи, как ты явилась ему в первый раз.

НУТЕЛЛА. Я дала ему услышать мелодию – из запертой комнаты его памяти. Ее пел королевский паж, умерший очень-очень давно. Он пел и играл на лютне.

МЕДСЕСТРА. Если ты запомнила песню, она – твой ключ! Спой ее для твоего хозяина.

НУТЕЛЛА. Разве он услышит меня, если я ему не снюсь?

МЕДСЕСТРА. Не только сон сближает живых с мертвыми. Музыка – больше, чем звуки, она – мысль души; она слышна в обоих мирах. Мертвые не только говорят мыслями, как ты со мной сейчас: они и поют мыслями. И это же бывает со спящими.

НУТЕЛЛА. И спящие слышат песни мертвых?

МЕДСЕСТРА. Да, если мертвые поют для них.

НУТЕЛЛА. Тогда я спою для него. Только без лютни это будет не так хорошо.

МЕДСЕСТРА. Что ж, пусть паж возьмет свою лютню: его просит об этом богиня Бастет.

Слышно музыкальное вступление на лютне.

Пой, Нутелла, королевский лютнист уже играет.

НУТЕЛЛА. (*Поет*).

Как пленительно носит она
Ожерелье на шее своей!
Как медлительно блещет луна
Млечным светом в алмазах на ней!..

МЕДСЕСТРА. погоди, Нутелла, кто-то идет сюда, и он тебя слышит!

Мелодию продолжает флейта, сопровождаемая лютней. Входит Пациент. Нутелла прячется за Медсестру.

(*Пациенту*) Кто ты на самом деле?! Ты – живой, но слышишь голоса мертвых. Ты видишь мой дух, я чувствую... О, я узнала тебя! (*Склоняется перед ним*). Не бойся его, Нутелла.

ПАЦИЕНТ. (*Медсестре*) Ты – не то, чем кажешься. В тебе – огромная древняя сущность. Кто ты? Тебя еще не было в моих видениях. Ты знаешь меня? Почему ты кланяешься мне?

МЕДСЕСТРА. Я – кошка Бастет. Я создана из лунного света. Я склонилась перед лунным светом, который вижу на тебе.

ПАЦИЕНТ. (*Глядя в шкаф*) Ты – об этой луне?

МЕДСЕСТРА. Я – о той ночи, когда он прощался с тобой, *он* – тот, кто умер и воскрес. Тогда тоже стояла полная луна. Я видела вас, потому что я – лунное око Солнца. Я видела его худые руки со следами гвоздей, видела, как он зачерпнул этими руками лунный свет и вылил на ученика, чтобы тот не умер... Ты даже не постарел за эти две тысячи лет.

ПАЦИЕНТ. Моя душа одряхла и жаждет покоя.

МЕДСЕСТРА. Душа дряхлеет без любви. И вновь зацветает любовью. Тот, кто дал тебе этот свет, состоял из одной любви. Почему *ты* не любишь, светлый мой? Ты боишься?

ПАЦИЕНТ. Да. Любовь ищет вечности. Она иначе видит время. Оно так сжимается в глазах любви, что бледный призрак всегда оказывается рядом. Всякий любящий надеется не увидеть смерть любимого. Но у меня такой надежды нет. Я *привык* не любить.

МЕДСЕСТРА. Слишком горькие слова. Есть другие. Но сейчас я должна принять новую больную: два охранника этой дамы уже обнюхивают весь дом. Мы еще поговорим.

ПАЦИЕНТ. Говорить с тобой отратно, древний дух, не знающий печали. Останься!

МЕДСЕСТРА. Кошка Бастет осталась бы с радостью. Но сейчас я – плохо одетая женщина, и это мешает мне быть богиней. Пой, Нутелла, лютнист играет! (*Уходит*).

НУТЕЛЛА. (*Пациенту*) Я тебя не боюсь, потому что ты любишь моего хозяина. Ты грустишь, как и он. В людях столько грусти!.. Не оборачивайся! (*Подходит к нему сзади и гладит*). Ты же не видишь меня спиной: угадай, что я делаю? Я – тень, но я учусь трогать вещи. Я уже пила молоко из блюдечка на камине! А что я делаю сейчас?

ПАЦИЕНТ. Ты гладишь меня по голове и плечам.

НУТЕЛЛА. (*Радостно*) Я умею! Я умею!.. Но лютнист играет, и я должна спеть песенку чтобы присниться моему хозяину: так велела мне Бастет **ПАЦИЕНТ.** Откуда ты знаешь эту песенку?

НУТЕЛЛА. В памяти моего хозяина я нашла то, что было в ней до его рождения. Юный лютнист пел там песню, сочиненную королем – песню об алмазном ожерелье. (*Поет*).

Как пленительно носит она
Ожерелье на шее своей!
Как медлительно блещет луна
Млечным светом в алмазах на ней!
И под бледным мерцаньем камней
Так ключица тонка и нежна,
Что рыданья глухая волна
Горлом катится все горячей:
Как пленительно носит она
Ожерелье на шее своей!

Лютня смолкает. Входят Толян и Колян, видящие только Пациента, включают свет; шкаф захлопывается.

НУТЕЛЛА. (*Пациенту*) Ты тоже знаешь эту песенку?

ТОЛЯН. Давай в темпе, Колян – пока там с хозяйкой доктор любезничает!

ПАЦИЕНТ. (*Нутелле*) Я знаю ее пять веков. Я видел то алмазное ожерелье на той даме.

КОЛЯН. Слыхал, Толян? Это он случайно – не про нашу хозяйку?

ТОЛЯН. Колян, значит, так: проверяешь шкаф, камин и пару дверей, а я иду по периметру. С психом не контактируем, обходим. Шевелись!

ПАЦИЕНТ. (*Нутелле*). И еще я знаю, кто твой хозяин на самом деле.

КОЛЯН. Мой хозяин?!.. Толян, а, может, это он про тебя чего знает, чего я не знаю, а?

ТОЛЯН. Он – сам с собой, не видишь, что ль? Забыл, где ты? Делом займись, Колян!

ПАЦИЕНТ. (*Нутелле*) Мне кажется, ты кого-то боишься.

КОЛЯН. Слушай, Толян, а что, наша хозяйка, тут полечится – такая же будет?

ТОЛЯН. Не знаю. Твоя забота – ее безопасность, а ты стоишь, разиня рот.

НУТЕЛЛА. Я боюсь тех, что прячутся в каминной трубе – короля с пауком.

ПАЦИЕНТ. (*Кричит в камин*) Может быть, пришло время нам поговорить?

ГОЛОС ПАУКА. Трепещи, смертный, перед тенями мира загробного! Что, кровь стынет?

АНРИ. *(Из камина)* Не будь идиотом, Франсуа! Кто нас видит, тот нас не боится.

Из камина, невидимо для Толяна и Коляна, возникает Анри с пауком на поводке. Нутелла шмыгает в камин.

(Пациенту) Франсуа никак не поумнеет с тех пор, как убил меня, своего короля.

ПАЦИЕНТ. Цареубийца по имени Франсуа? Тот самый?

АНРИ. Выходит, я могу не представляться. *(Пауку)* Я – в лучах твоей славы, Франсуа. Стоило так усердно завоевывать свою собственную!

ГОЛОС ПАУКА. Иначе бы ты не заслужил такую смерть, Анри!

ПАЦИЕНТ. *(К Анри)* Значит, вы – тот король, которого зарезали через окно кареты?

АНРИ. Такова была Божья воля. Видно, так было нужно, чтобы мир шел своим путем. Возможно, хорошие короли мешают миру стать тем, чем он должен стать.

ТОЛЯН. *(Коляну)* Ты камин хорошо осмотрел? Кому он там орал?

КОЛЯН. *(Заглядывая в камин).* Пусто. И дымоход заделан. Толян, а может, я пойду по периметру, а ты по дверям, а? В меня уже стреляли из двери, забыл? Во мне – две дырки.

ТОЛЯН. *(Коляну)* Купи себе пару орденов и повесь на свою пару дырок, а то продует.

КОЛЯН. Сволочь ты, Толян. *(Толкает по очереди обе запертые двери).*

ТОЛЯН. Конечно! Поэтому я и старший, а ты – подчиненный, потому что – не сволочь.

АНРИ. Что ж... если Богу угоден *такой* принцип, то меня, конечно, следовало убить.

ПАЦИЕНТ. Это – человеческая мысль. Ваша гибель могла иметь совсем иной смысл. Вы – лучший из королей, но вспомните судьбу лучшего из людей.

АНРИ. Кто вы?

ПАЦИЕНТ. Я – ждущий. Я жду того, кто ушел две тысячи лет назад и обещал вернуться. Он всегда выполнял обещания. Он хотел, чтобы я ждал его на земле, и я жду его.

АНРИ. Вы – апостол Иоанн?! Иоанн Зеведеев? Иоанн Богослов? Значит, ваша долгая жизнь – не вымысел...

КОЛЯН. На камине – блюдце с молоком. Вывод: в больнице есть кошки.

ТОЛЯН. Ты – башковитый парень, Колян. Шкаф проверь. Из шкафа в тебя не стреляли?

КОЛЯН. Зря ты так, Толян. *(Пробуя шкаф)* Заперто. И двери заперты. Все чисто, звони.

ТОЛЯН. Я знаю, когда звонить. Я сам, блин, решаю, когда мне делать пару звонков, а когда мне пару минут ни хрена не делать! *(Услышав щелчок замка, смотрит на дверь Алябьева и берется за пистолет).* Что там щелкнуло? Ты про ту дверь забыл, что ль?

КОЛЯН. Я ее толкал, она заперта.

ТОЛЯН. Толкни ещё пару раз: я не видел.

КОЛЯН. Ты – нарочно, Толян?! Думаешь, я – трус?! На, смотри! *(Достает пистолет, с разбегу толкает отпертую дверь Алябьева и падает в темную палату).*

АЛЯБЬЕВ *(Из палаты).* Зачем же вы, Василиса Аристарховна? Я и так уже шел к вам...

Толян целится в дверь; оттуда, переступив через Коляна, выходит заспанный Алябьев с кошачьим чучелом.

(Глядя на Коляна) Наверное, она ушиблась... А почему на ней брюки? *(Толяну)* Что это вы – с пистолетом?.. Новый больной?.. Я вас где-то видел... или я еще не проснулся...

КОЛЯН. *(Встав и держась за голову)* Я говорил: мне лучше – по периметру...

ПАЦИЕНТ. *(К Анри, тихо)* Вас ведь здесь интересует Алябьев? Почему?

АНРИ. Мертвые не могут лгать: да, я здесь из-за него. Но моя миссия – тайная. Прошу вас, не спрашивайте, а я не стану спрашивать, почему *вас* интересует Алябьев.

ПАЦИЕНТ. Вы – его ангел смерти?.. Не отвечайте, но пообещайте предупредить меня.

АНРИ. Вам – обещаю. Но он – избранный: такие устраняются из жизни стремительно.

ТОЛЯН. *(Говорит по мобильному телефону)* Петр Игнатич, мы все проверили. Есть пара запертых дверей. Порядка нет: бродят кошки и пара психов.

2-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ. По всем вопросам – к старшей медсестре, я договорился.

ТОЛЯН. Понял, Петр Игнатич.

2-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ. Где Ника Николаевна?

ТОЛЯН. У врача в кабинете.

2-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ. Разве я не говорил, чтоб ее не оставляли без присмотра?

ТОЛЯН. Так – с врачом же, Петр Игнатич...

2-Й ГОЛОС В ТРУБКЕ. Плохо с памятью? До связи. *(Гудки)*.

ТОЛЯН. *(Коляну)* Бегом к хозяйке! *(Поспешно уходят оба)*.

ГОЛОС ПАУКА. Анри, если бы я очень постарался, я бы смог родиться Толяном?

АНРИ. Зачем, Франсуа? Я с тобой вожусь, чтоб ты родился добрым, любящим пауком, с хорошими перспективами на последующие рожденья, а ты хочешь себе все испортить?

АЛЯБЬЕВ. *(Пациенту, видя только его)* Что-то случилось, пока я спал... Вы не знаете?

ПАЦИЕНТ. Прибыла новая пациентка, с двумя охранниками. Они вас и разбудили.

АЛЯБЬЕВ. Зато я запомнил свой сон: мне снилось алмазное ожерелье!.. Алмазное ожерелье и охранник. Он хотел отнять у меня мое чучелко... Кажется, я и сейчас сплю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.